
СВЯЗЬ ВРЕМЕН

М. ЖАКОВСКА

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура и политика неотделимы. Констатация банальна, но мне хотелось бы рассмотреть ее на очень интересном, на мой взгляд, примере. Цель этой статьи – показать, каким образом культура российской молодежи эволюционировала за последние годы и как эта эволюция повлияла на те общественно-политические движения России, членами которых являются преимущественно представители молодежи.

Ключевые слова: молодежь, эволюция, культура, общественно-политические движения.

Культура российской молодежи за почти двадцатилетний период с момента распада Советского Союза испытала ряд существенных изменений. Вектор процесса ее эволюции кажется очевидным – она все больше напоминает молодежную культуру Запада, и течение ее развития последовательно вливается в одно глобальное русло. Особенно заметным это стало в последние 10–15 лет. В 1990-е гг. культура молодежи не только на российском, но и вообще на всем постсоветском пространстве была своеобразной и представляла собой уникальное явление, соответствующее общему историческому развитию региона, которое, как и ситуация перехода от социалистической системы к капиталистической, не имело аналогов в истории человечества (Gellner 1996: 12). То, чем жила и как жила молодежь, являлось сочетанием трех составляющих.

Первая составляющая – еще живая массовая культура и стиль советских времен.

Вторая – элементы тех движений и субкультур, преодолевавших железный занавес с конца 1960-х гг. благодаря западным ра-

диостанциям, музыкальным дискам, которые привозили в СССР дипломаты и моряки, а также статьям в официальной советской прессе, посвященным хиппи- или панк-движениям, – они ни в коем случае не замалчивались властями, а описывались как «нарост на гниющем теле буржуазной культуры» (Аксютин б. г.). В итоге элементы западной жизни приобретали в столь специфических условиях новые оттенки и оригинальные формы.

Третья – эхо культурных трендов, развивающихся в то время на Западе и проникавших в Россию и страны СНГ благодаря СМИ и относительно немногочисленным советским людям, посещавшим Западную Европу.

В Советском Союзе существовало четкое разделение на официальную молодежную культуру и контркультуру, которая развивалась в рамках того, что получило название *система*. Это определение звучит довольно парадоксально, если принять во внимание, что на Западе члены субкультурной¹ среды применяли его к тому, против чего выступали. Использование слова *система* подразумевало существование некоего интегрального, целостного, внутренне сплоченного организма. В таком смысле оно вытекало из специфики функционирования субкультур в условиях авторитарного государства, каким являлся СССР, где исключительно значимыми становились контакты и связи между разными личностями и группами, выступавшими против общепринятых норм общественной жизни. Значение связей определялось, во-первых, немногочисленностью этих групп, во-вторых – часто возникающей необходимостью взаимопомощи (связанной, между прочим, с тем, что стиль жизни представителей субкультур легко приводил к обвинениям их в тунеядстве, которое определялось советским Уголовным кодексом как преступление). Ядро *системы* составляли хиппи, но в разные периоды времени в нее входили также «панки, рокеры, байкеры, эзотерики, диссиденты всех мастей, барды, ролевики, туристы, фарцовщики, гомосексуалисты, криминальная субкультура...» (Малышева б. г.). В середине 80-х гг. появилось новое определение –

¹ Термины «контркультура» и «субкультура» я использую как синонимы, учитывая свойственный молодежным субкультурам заряд бунта и сопротивления по отношению к официальной культуре.

неформалы, которое изначально использовалось органами государственной безопасности с крайне негативным оттенком. Неформалами назывались члены неофициальных массово создаваемых на волне общественной активности эпохи перестройки молодежных организаций – групп общественной инициативы, кружков по интересам, экологических сообществ, которые являлись оппозицией «формальному», то есть контролируемому властями, комсомолу. Со временем понятие «неформалы» изменило свой смысловой оттенок и стало повсеместно употребляться для определения представителей субкультур (в том числе ими самими).

Разделение на неформалов и так называемых «цивильных» выдержало распад СССР и оставалось актуальным в течение большей части 1990-х гг. Оно существует и сегодня, хотя различия между этими двумя категориями стали намного менее острыми и граница между ними в значительной степени сгладилась. Такие типичные для образа жизни неформалов действия и поведение, как перемещение с помощью автостопа² или ночлег на так называемых «вписках»³, культивирование определенного стиля одежды, вышли за рамки контркультурных групп и распространились среди относительно широких слоев молодежи. Кроме того, представители субкультур сегодня, как правило, – часть общества, и даже критикуя нормы, на которые оно опирается, относятся к ним как к обязывающим: работают, учатся, живут вместе с семьями, сами их создают (Мазурова, Розин б. г.). Границы *системы* стали настолько прозрачными и проницаемыми, что оказывается обоснованным во-

² Автостоп в СССР, изначально связанный с движением хиппи, со временем приобрел статус самостоятельного явления. Идею путешествий автостопом как по постсоветскому пространству, так и по другим странам многие годы особенно активно популяризируют уже легендарный Антон Кротов (см.: <http://a-krotov.livejournal.com>) и основанная им Академия вольных путешествий (см.: <http://avp.travel.ru>). У автостопного движения в России с его этикой и ритуалами период расцвета уже позади, как и у других субкультурных сообществ (и по более-менее тем же причинам).

³ То есть бесплатно в квартирах ранее вовсе незнакомых или только что познакомившихся людей (о сущности «вписки» и традиционных правилах, которые должны соблюдать «вписчики», см.: Балакирев б. г.). Методы поиска «вписки» разнообразны: обычно для этого используется сеть знакомых, в последние годы – Интернет, а в некоторых странах – гостеприимство местных жителей. В свое время среди российских автостопщиков была широко известна история двух путешественников, ехавших в Магадан, которые после долгого пребывания «на трассе» в поселениях Восточной Сибири искали «вписку», заходя в магазины и спрашивая у продавщиц: «Девушка, у вас есть стиральная машина?»

прос о ее дальнейшем существовании⁴. Кроме того, ныне гораздо большую роль в субкультурной среде играют внешние признаки принадлежности к ней: элементы одежды, нашивки, бижутерия и другие украшения (большинство этих атрибутов продаются в сетевых магазинах одежды), использование определенного сленга. Таким образом, молодежная культура протеста в России приобрела крайне потребительский характер и превратилась в кормилицу рынка, как это имело место на Западе много лет назад и самым ярким символом чего являются футболки с изображением Че Гевары⁵.

Итак, современная молодежная культура в России по сравнению со своей предшественницей из 1990-х гг.⁶ гораздо более вестернизирована, более однородна и сильнее пропитана духом потребления. Одновременно в зависимости от размеров населенного пункта, темпа и пределов процесс эволюции молодежной культуры разнится: от широкого и продвинутого в Москве, островного в других городах-миллионниках к зарождающемуся – в районных центрах. Это связано с социокультурной неоднородностью России; с огромными различиями в уровне и стиле жизни жителей метрополий и провинции; с существованием принципиально разных жизненных возможностей; горизонтами мышления; доступом к ресурсам разных типов капитала – общественного, культурного, символического и т. д.⁷ Значимую роль в ускорении этого процесса играют контакты с заграницей, которые осуществляются благодаря поездкам в европейские страны и общению с приезжающими оттуда иностранцами. Перспективы как таких встреч, так и путешествий, естественно, много шире для молодых москвичей, чем для их сверстников из Тюмени или Улан-Удэ⁸. Притоку и популяризации

⁴ Словом *система* ныне практически пользуются исключительно так называемые *олды*, много лет связанные с хиппи- и панк-субкультурой, которые помнят ее роль в других условиях.

⁵ Об этом явлении, его корнях и последствиях см.: Поттер, Хиз 2007.

⁶ Конечно, 2000 г., учитывая эволюционный характер социально-политических процессов, должен быть в этих рассуждениях понимаем как символический, условный рубеж.

⁷ Ресурсный подход для разработки стратификации современного российского общества использует профессор Наталия Тихонова, ссылаясь на труды таких социологов, как Пьер Бурдьё, Мануэль Кастельс или Ульрих Бек; см.: Давыдова, Тихонова 2006; Тихонова 2006.

⁸ Здесь имеет значение не только превосходство в уровне жизни статистического жителя Москвы над его соотечественником, не проживающим в столице, но и географические расстояния, играющие не самую последнюю роль в столь огромной стране. В беседе со мной в марте 2010 г. в Москве двадцатипятилетняя Мария, уроженка Новосибирска, объясняла

культурных образцов Запада также способствует Интернет – наиболее эффективный и быстрый проводник всяких мод, новинок, трендов. Показатели пользования им, в свою очередь, сильно дифференцированы в зависимости от региона и размеров населенного пункта (Тарасов 2006).

Так сами по себе перемены в молодежной культуре, их неравномерность в пространстве и времени четко отражаются в молодежных общественно-политических движениях. На мой взгляд, на примере разных субъектов можно перечислить несколько типов проявления их влияния и воздействия.

Во-первых, бросается в глаза принципиальное отличие имиджа и стиля жизни молодых людей, вступающих в ряды различных общественно-политических структур сегодня, и их ровесников, которые входили в их состав несколько – пять, десять, пятнадцать – лет назад. Это особенно заметно на примере членов национал-большевистского движения, если учитывать отличающий его от многих других похожих субъектов долгий период существования на российской политической сцене. Итак, если в прошлом самый обычный нацбол являлся «бригадным мальчиком в кожаной куртке»⁹, визуально, как правило, выделяющимся среди сверстников, но очень похожим на своих партийных товарищей, то нынешние новички в движении, особенно если они живут в крупном городе, легко вливаются в толпу тинейджеров, согласно актуальной моде отрачивая волосы, надевая широкие штаны, раста-береты, пластмассовые браслеты...¹⁰ Раньше нацболы были известны также своим пристрастием к крепким спиртным напиткам. Сегодня среди них популярно следование принципам движения *стрейт эйдж*¹¹,

мотивы переезда в столицу словами: «Отсюда все ближе...» На мой вопрос, что конкретно ближе, Мария ответила: «Ну, Барселона... Париж...» Согласно моим наблюдениям, выраженная собеседницей ориентация на Европу – доминирующая позиция среди российской городской молодежи.

⁹ На основании интервью с нацболом Дмитрием (Москва, 28 марта 2010 г.); ср.: Топорова 1999.

¹⁰ Собственное наблюдение на основании полевых исследований, проведенных в период с февраля по май 2010 г. в Москве и Санкт-Петербурге.

¹¹ Это движение родилось в панк-среде США в начале 80-х гг. прошлого века, а до России добралось в конце 90-х, найдя здесь вполне благоприятную почву для развития. Согласно моим наблюдениям, сделанным во время многочисленных поездок в постсоветские страны с 2003 по 2010 г., сравнительно большая группа молодежи относится здесь к алкоголь-

которые предусматривают отказ от употребления алкоголя, наркотических веществ, табака и беспорядочных половых отношений¹².

Ярким примером социокультурных изменений среди российской молодежи является также фактический упадок ультраправой организации *Русское национальное единство* (РНЕ) под руководством Александра Баркашова. В свое время она сосредоточивала в своих рядах большое количество молодых людей, в основном бритоголовых подростков, рекрутирующихся из социально ущемленных слоев населения. Ее программа являлась довольно своеобразной. Многие ее элементы были заимствованы из национал-социалистической идеологии¹³, но им была придана специфическая окраска, выражающаяся в подчеркивании роли православия и русской национальной традиции. Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ), которое считается наследницей РНЕ как представителя ультраправых и также состоит прежде всего из молодых людей, имеет большее сходство с правыми группировками в Западной Европе и часто сравнивается с ними обозревателями (Соколов 2006; Святенков б. г.). Отвергая антизападную риторику, характерную в 90-е гг. для РНЕ, ДПНИ, как и современные европейские ультраправые, особое внимание уделяет вопросам мигрантов и всяких угроз, которые якобы несет с собой их присутствие – от демографической до криминальной. Члены ДПНИ по многим социокультурным признакам сильно отличаются от бывших «баркашовцев»: они «находятся в лучшем состоянии здоровья, носят одежду подороже, имеют больший доступ к технологическим новинкам (мобильники и т. п.) и в повседневной жизни проявляют большую вестернизованность» (Laurelle 2009: 64) – это уже не выходцы из самых деклассированных и обнищавших социальных слоев, но репрезентанты городского среднего класса – бенефицианты экономического роста 2000-х гг.

Пример РНЕ и ДПНИ отражает постепенную потерю общественно-политическими организациями российской молодежи пост-

ным напиткам неприязненно (не употребляет их вообще или только по случаю в небольшом количестве).

¹² На основании интервью с нацболом Дмитрием (Москва, 28 марта 2010 г.).

¹³ РНЕ представляет Россию во Всемирном союзе национал-социалистов, см.: <http://www.nationalsocialist.net/members.htm> (дата обращения: 15.02.2011).

советской специфики, характеризующей их на фоне Запада. Меняются не только члены этих субъектов, но и сами субъекты как таковые – с точки зрения их приоритетов, стиля действий, намерений и планов. Замечательную картину того, какой метаморфозе подверглись анархистские сообщества под влиянием европеизации российской культуры и менталитета, рисует Дмитрий Костенко в одном из эссе, которые составили уникальный сборник воспоминаний российских «леваков» о 90-х гг. под названием *Lifestyle*.

Костенко, когда-то редактор анархистской периодики и активист, сегодня – журналист и аналитик, описывает себя и своих друзей несколько лет назад как тех, которые верили, что нет ничего невозможного; они были полностью уверены, что идеи, которых они придерживаются, – правильны, истинны и что, руководствуясь ими, можно реально изменить весь мир. Тогда, в 90-е гг., люди, подобные ему, были убеждены в потенциале собственных действий, в возможности революции, в том, что они «напишут правильную программу, выйдут на площадь, убедят людей и достигнут всего, чего хотят; почему нет? демократы вышли, убедили – и у них получилось» (Костенко 2003: 9). Сегодня никто среди «леваков» больше не верит в такой сценарий. Наивное, но сильное своей спецификой левое движение в России полностью попало, вследствие соответствующей литературы и Интернета, под влияние Запада, где вера в революцию, по мнению Костенко, давно умерла (Там же: 19–20). Да, современные российские анархисты в крупных городах все чаще ведут такой образ жизни, который отвечает неким «стандартам поведения» левого активиста: перемещаются на велосипедах, становятся вегетарианцами, создают сквоты как «зоны автономии». Но, как замечает автор, похожие практики, культивируемые в западном мире несколько десятков лет, не привели в нем ни к каким революционным переменам (Там же: 31). «Леваки» в России, европеизируясь и модернизируясь, усомнились в успехе максималистских планов построения совсем новой общественной действительности.

«Островной», неравномерный характер эволюции культуры и менталитета в молодежной среде ведет к заметной дифференциации молодых общественно-политических активистов – дифференциации, причина которой кроется именно в сфере эстетики и обы-

чая. Иногда кажется, что члены разных молодежных движений представляют два разных поколения, хотя родились они в одни и те же годы. Иллюстрацией активности первого из них будет рассказанная мне Владимиром Федоровым, бывшим председателем отделения Коммунистической партии Российской Федерации в Санкт-Петербурге, история о том, как пару лет назад петербургские комсомольцы отмечали День Победы. Элементами праздника были: поездка за город на запущенном собственными силами украшенном паровозе; инсценировка военных событий; прослушивание пластинок с солдатскими песнями и речами Сталина¹⁴. Отношение к подобным идеям тех, кто представляет вторую из генераций, хорошо отражает ехидное замечание Алексея Пензина, молодого московского философа, об активистах комсомола: «Отличные ребята, они очень любят петь песни, это, кажется, основное, чем они занимаются...»¹⁵ В качестве примера действий, предпринимаемых этим «новым» поколением, можно привести проводимый в апреле 2010 г. «Конгресс творческих работников»¹⁶, инициативу социалистической организации «Вперед», «Уличного Университета» и членов творческой платформы «Что делать?». Во время конгресса велись дискуссии о дематериализации труда, назывались фамилии постмодернистских философов или обсуждались анархистские акции под знаком Антифа¹⁷ и ФНБ (Food Not Bombs)¹⁸. Разница между вышеуказанными деяниями – это, конечно, разница содержания, но также и разница формы и мотивации к участию или неучастию в них, которая вытекает не столько из разного отношения, например к Великой Отечественной войне, сколько является вопросом стиля и вкуса.

¹⁴ На основании интервью с Владимиром Федоровым 23 марта 2010 г.

¹⁵ Из интервью с Алексеем Пензиным 27 марта 2010 г.

¹⁶ См.: <http://www.may-congress.ru> (дата обращения: 17.08.2010).

¹⁷ Международное движение, которое борется с проявлениями фашизма, неонацизма и расизма, неформальное и децентрализованное; объединяет как организации, так и отдельных лиц, пользуется разными методами деятельности – от демонстраций и рисования граффити до уличных столкновений с представителями ультраправых.

¹⁸ «Еда вместо бомб» (англ. *Food Not Bombs*) – инициатива, родившаяся в 80-е гг. прошлого века, которая заключается в публичной бесплатной раздаче пищи, особенно нищим и безпризорным. Ее цель – обратить внимание на тот факт, что проблема голода остается неразрешенной, тогда как отдельные государства расходуют огромные суммы на вооружение.

Линию раздела между этими двумя возрастными (а на самом деле – «поколенными») группами надо вести очень осторожно. Осознавая угрозу упрощений и обобщений, я все-таки склоняюсь к гипотезе, что ее ход обусловлен двумя факторами. Первый – это уже упомянутого разделения на «формальные» (пионерские и комсомольские) и «неформальные» молодежные структуры в 80-е гг. Сегодня комсомольские организации являются организациями, внутри которых все еще актуальной остается молодежная культура 90-х гг. с ее сильно ощутимой примесью «совка», традициями русской выпивки, спецификой периферийности. В большей степени это вызвано тем фактом, что сеть местных ячеек комсомольских организаций – особенно *Союза коммунистической молодежи*, который политически связан с КПРФ, – разветвлена намного больше, чем структуры каких-либо других молодежных организаций, а это означает, что ее сущность в значительной мере формируется молодежью из провинции. Раздел «столица (столицы) – провинция» – это, в свою очередь, второй из упомянутых факторов – близко корреспондирует с описанным «поколенным» разделом в рядах молодежных политизированных движений. Очень показателен в этом плане случай распада на две фракции троцкистской организации *Социалистическое сопротивление*, который произошел в 2009 г. чуть ли не точно по линии «Москва – провинция». К нему привели разногласия по поводу структуры организации и взаимные обвинения в недостаточном интернационализме¹⁹. Сравнивая сайты обеих фракций (каждая из них стала действовать как самостоятельный субъект) через несколько месяцев после раскола, можно было заметить значимую разницу в области целей и приоритетов каждой из них, отражающую отличия в жизненных установках и иерархии ценностей столичных и провинциальных активистов²⁰. Гендерной

¹⁹ См.: *Об обстоятельствах исключения СоцСопра из КПИ*. URL: http://cprf.info/news/party_news/55304.html (дата обращения: 17.08.2010); *Заявление российской секции КПИ*. URL: <http://cprf.info/news/pr/55358.html> (дата обращения: 17.08.2010).

²⁰ См.: <http://socialistworld.ru/> (дата обращения: 17.08.2010) и <http://socsopr.ru/> (дата обращения: 17.08.2010). О причинах конфликтов между активистами «Социалистического Сопротивления» в период до его распада см. также в записях блога одного из членов организации: <http://kozlovski.livejournal.com/?skip=20> (дата обращения: 17.08.2010).

тематики и вопросов сексуальных меньшинств, которым посвящается существенная часть материалов на сайте Российской секции Комитета за рабочий интернационал (под таким названием работает сейчас «московская» фракция), не затрагивает ни один из текстов, помещенных на сайте «провинциалов» (которые сохранили название *Социалистическое сопротивление*), где безраздельно царят профсоюзная проблематика и вопросы борьбы за права рабочих.

Глубокое и разнообразное влияние эволюции молодежной культуры на политические движения и организации в контексте естественной взаимозависимости между явлениями в сфере культуры и политики или их фактически тождественной природы раскрывается в убеждении (которого я, безусловно, придерживаюсь), что все является политическим. Тем не менее в отношении внепарламентских молодежных общественно-политических субъектов его следует переформулировать следующим образом: «все является культурным», поскольку очень часто деятельность, заявляемая как общественно-политическая, – это прежде всего культурный ритуал. В молодежных кругах в общем «происходит замена/вытеснение политико-идеологических противостояний – культурными», – считает социолог Елена Омельченко. По ее мнению, «так называемый молодежный активизм перекочевал с середины 90-х прошлого века из пространства политики в пространство культуры», в связи с чем «собственные, самодетельные политические формирования имеют не политическую, но культурную природу» (Омельченко б. г.).

Об этом феномене, описанном Омельченко с помощью языка общественных наук, говорят также сами молодые активисты разных сообществ, указывая – как правило, с сожалением – на факт, что многие из общественно-политических организаций молодежи функционируют как тусовки. Они характеризуются тем, что роль политического фактора в их активности второстепенна, а сосредоточены они на действиях, направленных как бы внутрь, на самое воспроизводство данной общности, то есть на выстраивании взаимных отношений между ее участниками, общем времяпрепровождении и развитии совместных интересов, действиях, подчеркивающих их отличие от других похожих групп. То, что ищут в сообществах их участники, проявляется в первую очередь не в сфере дей-

ствий (за реализацию определенных социально или политически важных целей), а в сфере принадлежности и идентификации²¹.

Российские молодежные движения с этой точки зрения не уникальны – аналогичной ситуация представляется в Западной Европе, или (прежде всего) в США, с 70-х гг. прошлого века. На это повлияло множество факторов, в том числе уменьшение роли традиционных национальных и классовых идентичностей и вытекающая отсюда необходимость замены их другими (ср.: Hobsbawm 2000: 40), а также возникновение движений новых левых, придающих огромное значение вопросам тождественности. В России данное явление имеет, кажется, и другие глубокие причины. В российском обществе, травмированном трансформацией, многие годы распространяются атомизация и распад общественных связей, которые оно переносит тем более болезненно, что в нем отсутствует сильная, укорененная традиция индивидуализма. В связи с этим многие россияне в настоящее время занимаются поиском групп, дающих поддержку и чувство принадлежности к какой-либо общности. Так, общественно-политические движения и организации²², как и, например, религиозные сообщества²³, являются с этой точки зрения вариантами ответа на определенную все ту же – общественную – потребность. Эта потребность во многом и обуславливает то, как они работают и на что в первую очередь направлены их действия.

²¹ В марте 2010 г. на одном из еженедельных собраний московской ячейки социалистической организации «Вперед» я стала свидетелем, как новичок, у которого спрашивали о причинах вступления в ее ряды, ответил, что он решил присоединиться к какой-нибудь молодежной организации и, посмотрев сайты многих из них, от «Наших» до анархистов, решил, что ему наиболее подходит «Вперед»; его ответ показывает, что идеологические и мировоззренческие вопросы сыграли в данном случае вторичную роль – первостепенной была потребность стать членом группы, общности.

²² Речь идет не только об организациях молодежи, среди которой потребность находиться в кругу единомышленников естественным образом особенно сильна; поиск чувства принадлежности и отождествления замечен даже среди участников митингов КППФ – людей пенсионного возраста. Для многих из них чисто политическое измерение участия в таких событиях – вещь второстепенная, частная, служит прежде всего подтверждению идентификации с определенной общностью, которая укрепляется внутренними ритуалами, такими как совместное пение песен советских времен или обращением «товарищ» (на основании наблюдения за митингами КППФ в Санкт-Петербурге 20 марта и в Москве 1 мая 2010 г.).

²³ На эту тему см.: Marszewski 2006; Morawiecki 2010.

Литература

Аксюткина, О. [Б. г.] Панк как этика и эстетика противостояния в условиях СССР, России и Беларуси. URL: <http://altruism.ru/sengine.cgi/5/25/7#10> (дата обращения: 9.08.2010).

Балакирев, Е. [Б. г.] Жизнь Системы. В: Балакирев, Е., *Сага о Системе*. URL: <http://altruism.ru/sengine.cgi/5/24/17?page=4> (дата обращения: 13.08.2010).

Давыдова, Н., Тихонова, Н. 2006. Методика расчета ресурсной обеспеченности и ее роль для анализа проблем стратификации российского общества. *Социологические исследования* 2: 29–41.

Костенко, Д. 2003. Коктейль из стеба и всамделишной кровожадности. В: Киреев, О. (ред.), *Lifestyle. Образ жизни*. М.: Гетто.

Мазурова, А., Розин, М. [Б. г.] Развитие, структура и сущность хиппизма. URL: http://adalstein.narod.ru/hippy_2.htm (дата обращения: 13.08.2010).

Мальшева, Л. [Б. г.] История хиппи-сопротивления. *Вместе* 7. URL: <http://hippy.ru/hist.html> (дата обращения: 9.08.2010).

Омельченко, Е. [Б. г.] Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или Как гопники вытесняют неформалов. URL: <http://www.polit.ru/culture/2006/05/23/gopniki.html> (дата обращения: 19.08.2010).

Потгер, Э., Хиз, Дж. 2007. *Бунт на продажу*. М.: Хорошая книга.

Святенков, П. [Б. г.] На крайних флангах идет нормальное партстроительство. URL: <http://www.polit-nn.ru/?pt=comments&view=single&id=1301> (дата обращения: 17.08.2010).

Соколов, М. 2006. ДПНИ – это серьезно. *Дело* 42. URL: <http://www.idelo.ru/444/16.html> (дата обращения: 17.08.2010).

Тарасов, А. 2006. Меняющиеся скинхеды. Опыт наблюдения за субкультурой. *Дружба народов* 11: 149–159.

Тихонова, Н. 2006. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях. *Социологические исследования* 9: 28–40.

Топорова, А. 1999. «Нацболы» в Санкт-Петербурге: образы и повседневность. В: Костюшев, В., *Молодежные движения и субкультуры Петербурга*. СПб.: Норма.

Gellner, E. 1996. Return of a Native. *Political Quarterly* 67(1): 4–13.

Hobsbawm, E. 2000. Identity Politics and the Left. *New Left Review* I(217).

Laurelle, M. 2009. *In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia*. New York.

Marszewski, M. 2006. «Rosyjski islam» versus islam Rosjan. *Studia nad zjawiskami przebudzenia religijnego po rozpadzie ZSRR*. UAM, rozprawa naukowa, Poznań.

Morawiecki, J. 2010. *Syberyjska sekta wissarionowców jako fenomen społeczno-religijny*. Warszawa.